ПОЛТАВСКАЯ ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО: ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ, ДОКУМЕНТЫ, ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА (К 100-ЛЕТИЮ ЕЁ СУЩЕСТВОВАНИЯ)

Морозов В.В.,

Российская макаренковская ассоциация, (Москва Россия), Почётный работник общего образования, Макаренковед e-mail: morozovvv50@mail.ru

Антон Семёнович Макаренко — несомненно, является одним из тех людей советской эпохи, которыми может гордиться страна. Созданный и осуществлённый им социально-педагогический эксперимент гениален, его следует признать и поставить в один ряд с великими открытиями двадцатого века. Первая мировая и гражданская войны, разруха, голод больше всего ударили по самым беззащитным — по детям. 7,5 миллиона подростков остались в те годы без родителей, кочевали по всей стране в надежде прибиться к теплу и хлебу, жили милостыней и воровством, ночевали в заброшенных подвалах, на чердаках, в асфальтовых котлах, гибли от морозов, голода, болезней... Дети нуждались в необходимой помощи. 31 декабря 1917 года Лениным подписывается декрет, по которому все дети Советской России признавались детьми республики, и забота о них провозглашалась прямой обязанностью государства.

Однажды на улице по пути домой Ф.Э. Дзержинский увидел в котле для варки асфальта спавших там чумазых беспризорников. И среди их — лобастого паренька с пытливыми глазами и оказал им помощь, взявшись за организацию беспризорников в трудовые коммуны. (Годы спустя имя этого паренька — академика, замечательного советского генетика Николая Дубинина — приобрело мировую известность)... Дзержинский инициировал создание комиссии по улучшению жизни детей и подростков, подключив к её работе чекистов. Сам он и возглавил эту комиссию. С тех пор стали появляться на рабочем столе председателя ВЧК наряду со сводками рабочих будней трогательные письма от спасённых детей. С обездоленными ребятишками работали замечательные педагоги-энтузиасты. Время рождает личности, да ещё какие! Это они первыми откликнулись на призыв «Все на помощь детям!». Это они осуществили беспримерный в педагогической практике опыт ликвидации детской беспризорности, добились небывалого результата в реабилитационной практике, создав условия

возможностей для проявления собственно человеческой сущности, сделав полноценными людьми и гражданами сотни «трудных», вчерашних правонарушителей.

Из переписки А.С. Макаренко с М. Горьким: «Кто мы такие? В Полтаве 25 августа 1920 года была открыта колония для несовершеннолетних правонарушителей. Я состою заведующим этой колонией с самого её основания, мне тогда же удалось собрать крепкий коллектив воспитателей, который работает в колонии вот уже 5 лет, почти без изменения в составе. Благодаря этому и

некоторым другим обстоятельствам наша колония всё время жила здоровой жизнью и, по отзывам в педагогической литературе, считается лучшей в России. Это позволяет нам со спокойной совестью носить Ваше имя. Мы просили о присвоении колонии Вашего имени в 1921 году, и теперь гордимся, что носим его с честью. Выбирая Вас своим шефом, мы руководствовались не простым желанием носить имя известного всему миру лица, а какой-то глубокой родственностью между Вами и нами. Эту родственность мы видим и чувствуем не только в том, что и Ваше детство подобно детству наших ребят, и не только в том, что многие типы в Ваших произведениях — это наши типы, но больше всего в том, что Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе, помогает и нам верить в него. Без такой веры мы не могли бы 5 лет работать без отдыха в колонии. Теперь эта вера стала и верой наших хлопцев, она создаёт в нашей колонии здоровый, весёлый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает. Когда меня спрашивают, какое главное доказательство успешности нашей работы, я указываю: наши мальчики, присланные к нам принудительно, по постановлению судебных органов, носящие позорное клеймо правонарушителя, через несколько месяцев уже гордятся тем, что они колонисты, да ещё горьковцы...». (Полтава, 08. О7. 1925 г.)

Вспоминает Елизавета Фёдоровна Григорович: «Антона Семёновича Макаренко я знаю ещё с 1905 года, когда он начинал свою педагогическую деятельность В Крюковском двухклассном железнодорожном училище... В 1919 году мы вместе с Антоном Семёновичем работали в Полтаве. Это было тяжёлое время. Заниматься приходилось не каждый день. В школе холодно, замерзали чернила. Вокруг рыскали всевозможные банды. В этих условиях работать, конечно, было трудно. Но мы понимали, чем были вызваны эти трудности.

В 1920 году меня вызвали в Губернский отдел народного образования и предложили организовать колонию для малолетних правонарушителей. Взяться за это дело я тогда не решилась, но, зная организаторские способности А.С. Макаренко я предложила его кандидатуру. Сама я согласилась работать в колонии воспитателем. О своём предложении рассказала Антону Семёновичу. Он выслушал меня спокойно и даже с интересом и сказал, что с удовольствием примет это предложение. Трудности его не

пугали, они помогали искать и находить новые пути педагогической деятельности. Вместе поехали посмотреть своё новое место работы. Нам открылась нерадостная картина: полуразрушенные здания будущей колонии глядели разбитыми окнами. Не было дверей, развалились печи...

- Скоро сюда приедут воспитанники, — сказал Макаренко. — Надо немедленно браться за работу. И вот мы на новом месте. Чемодан и связка книг сиротливо стоят в холодной комнате. С чего начать? Сколько сил и энергии понадобилось, чтобы в трудный 1920-год восстановить печи, навесить двери, вставить стекло в окна! Антон Семёнович, оживлённый и весёлый, работал без сна и отдыха. С ним было легко и интересно. И трудности казались уж не такими большими...» (из статьи «Самые счастливые годы»).

1. Первые воспитанники: обстоятельства, нравственные установки, мотивы, отношения, педагогические действия.

Горькоцы: Голос, Задоров, Георгиевский, Вершнев

А.С. Макаренко «Педагогическая поэма»: «Четвёртого декабря в колонию прибыли первые шесть воспитанников и предъявили мне какой-то сказочный пакет с пятью огромными сургучными печатями. В пакете были «дела». Четверо имели по восемнадцати лет, были присланы за вооружённый квартирный грабёж, а двое были помоложе и обвинялись в кражах. Воспитанники наши были прекрасно одеты: галифе, щегольские сапоги. Причёски их были последней моды. Это вовсе не были беспризорные дети. Фамилии этих первых: Задоров, Бурун, Волохов, Бендюк, Гуд и Таранец.». Макареко действительно выделил на своё усмотрение литературные персонажи «этих первых». Это его право писателя. По сохранившимся записям самого Макаренко уже 4 декабря была зарегистрирована Раиса Терещенко, а двенадцатого ещё и По рассказам И.Г. Колоса и К.И. Белковского (а их сообщения Иван Колос. подкрепляются архивными данными), сначала Макаренко и впрямь планировал взять шестерых правонарушителей из полтавского коллектора. Но в начале декабря выпал снег, ударил мороз, и Антон Семёнович увёз в санях только пятерых — Константина Белковского (по книге - Ветковского), Романа Затонова (первичный персонаж Задорова), Николая Шаплыко, Раису Терещенко (Соколову) и Бендюка. А вот Колоса Ивана не взяли — он был плохо одет и ослаблен после тифа. Вторую пятёрку воспитанников по утверждению Ивана Колоса Макаренко привёз в колонию 18 декабря. Сюда, кроме Ивана, были взяты Товмач, Иванов, Пшонов, Плиш. Значит, истинное количество первых воспитанников в декабре 1920 года составляло десять, а не шесть человек.

Ещё одно важное уточнение: Фёдор Таранец, согласно архивным данным, попал в колонию полутора годами позже. Что же касается Волохова, то его вообще никто не Было предположение, что этой фамилией Макаренко обозначил Георгия помнит. Новикова, прибывшего в колонию в мае 1921 года. Семён Калабалин зарегистрирован в колонии 9 марта 1921 года. Не мог быть в числе «этих первых» и Павел Архангельский — сын родного брата Е.Ф. Григорович. Он зачислен в список колонистов в 1922 году. За его плечами ни одного дня беспризорного бытия, не участвовал он никогда и в правонарушениях. Заданный Макаренко в «Поэме» случай с Задоровым, если и произошёл, то не связан с ним. Литературный прототип образа Задорова собирательный и не принадлежит одному лицу. По свидетельству Колоса и Белковского физическое воздействие было применено к Затонову за самовольные отлучки из колонии и картёжную игру на деньги и вещи. Как-то в беседе с Г.С. Салько А.С. Макаренко признается, что прискорбный эпизод, к сожалению, был в его жизни, объясняя это нервным срывом. Трудно было не сорваться, когда именно в то самое время органы угрозыска забрали из колонии Бендюка за соучастие в убийстве. Сам же Макаренко считал себя решительным противником физических наказаний. Но иногда логика обстоятельств вынуждает нас пренебречь устоявшимися предписаниями, если возникает необходимость спасти жизнь человека. Затонов получил предупреждение — остановись! - и он не пошёл по уготованному ему пути уголовника. Роман Затонов попал в колонию двадцатилетним парнем, был крепкого телосложения, стройным, сильным, умным, волевым. В колонии сразу же стал общепризнанным вожаком. Чтобы избежать сурового наказания за бандитизм, он, скрыв свой возраст, выдал себя за подростка и как несовершеннолетний был направлен в коллектор, а оттуда в колонию. Как явный переросток к весне 1921 года он уже выбыл из колонии. (Из статьи Ф. Науменко «Об этих первых из «Поэмы», газетная вырезка).

Краткое резюме: Друживший с А.С. Макренко учёный психолог-дефектолог Иван Афанасьевич Соколянский даже в мыслях не допускал, что Макаренко кого-то из воспитанников мог бы ударить. К сожалению, даже очень близкие люди к Макаренко были убеждены в том, что у педагога была своя система «кулака», и что Антон Семёнович «рукоприкладствовал». Дескать... он клин клином вышибал в человеке дурь, ведь его воспитанники принадлежали к той категории испорченных детей и мордобитие для них и есть настоящий их язык «понимания». В действительности ничего подобного не было, и Антон Семёнович, разумеется, на это не был способен ни в какой степени несмотря на то, что иногда ему приходилось адски тяжело... Мне об этом даже обидно писать, и я даже не могу вызвать у себя чувство злобы против явных идиотов, создавших легенду о «рукоприкладной» системе А.С. Макаренко. Эпизод с Задоровым — это художественный приём, не больше. Талантливый писатель и гениальный педагог гуманист в своей «Поэме» ударом по Задорову нанёс символический, но уничтожающий удар по старой, отжившей системе воспитания. Вдумчивый читатель так примерно и воспринимает эти строки. (Из рабочих записок И.А. Соколянского «Художественный приём», архив).

Очевидный факт: первые воспитанники не верят в успех улучшения своей жизни в

колонии. В начале произведения Задоров так говорит о колонии: «Какая там жизнь, Антон Семёнович! Разве это жизнь? Ничего у вас не выйдет с этой колонией. Напрасно бьётесь. Вот увидите, раскрадут всё и разбегутся...». Провинциальный учитель терялся в догадках поиска действенных путей в сложившихся условий, не сразу, но пришло понимание, что старый опыт колоний малолетних преступников для него не годился, а нового опыта не было. Признает: «Я принуждён был непосредственно обратиться к представлениям о человеке...».

Из приобретённого жизненного опыта педагог знал, что человеку со здоровой психикой и телом не так уже и много нужно: слегка повеет свежим воздухом надежды, только окунется человек в красоту труда и трудового напряжения — и возрождается сила поиска, желание делать что-то хорошее и полезное, помогать людям. В этом, собственно, и заключена великая сила красоты. Педагог умел видеть в каждом своём воспитаннике прежде всего большой «диапазон возможностей». В сочетании оптимизма и требовательности и есть «мудрость жизни». Воспитанники должны работать, учиться, по-новому жить. Он отмечает первые зачатки человеческого у Задорова, способного достичь больших высот. «Задоров, как всегда, спокойно и уверенно улыбался; он умел всё делать, не растрачивая своей личности и не обращая в пепел ни одного грамма своего существа. И, как и всегда, я никому так не верил, как Задорову: так же, не растрачивая личности, Задоров может пойти на любой подвиг, если к подвигу его призовёт жизнь».

Первое освещение опыта Полтавской трудовой колонии от Маро (М.И. Левитиной): «Работа в 1920 году началась с группой ребят, на которых воздействовать ни увещания и беседы не могли. Для них внушительным казалось лишь физическое Конечно, воздействие. об говорить не приходится, и оставалось одно - наказание и моральное осужде-

ние поступка. Последнее осуществляется и в данное время судом. Функции прокурора несёт зав. колонией. Суд избирается на 3 месяца в составе четырёх воспитанников и одного воспитателя; последний избирается пед. Советом, а воспитанники — баллотировкой на общем собрании. Состав суда намечает своего председателя, защита избирается пед. Советом из воспитанников и воспитателей. На суде обязаны быть все воспитанники и все воспитатели. Предварительное следствие ведётся избранным воспитанником. Следственный материал идёт к прокурору, затем к председателю суда. Решение о предании суду публикуется в приказе. Обстановка суда торжественная, при знамени, с исполнителем; заседания суда публичны. Цель их: на конкретных случаях выяснить мораль коллектива. Приговор суда утверждается зав. колонией, отмена его влечёт вторичное рассмотрение дела при новом составе суда. И у воспитанников, и у всех членов коллектива суд в большом почёте; заседания суда привлекают крестьян из близлежащих хуторов.

Материалы суда сохранятся и представляют большой интерес. Характер приговоров указывает на общую их суровость, и зав. колонией приходится прибегать к их смягчению. Иногда общее собрание постановляет об освобождении от дальнейшего наказания до истечения полного (досрочное освобождение) срока. Одним из суровых приговоров был в 1921 году приговор на месяц и воду при текущей работе за взлом замка; характерно, что обвиняемый сам настаивал на исполнении им этого наказания до конца, и только общее собрание через три недели получило возможность освободить «преступника» в виду полного его ослабления. В 1922 г. одному из воспитанников за кражу запрещено было в течение месяца приветствовать заведующего. Ввиду моральных страданий осуждённого общее собрание через две недели отменило наказание.

Заметна эволюция приговоров: теперь дело кончается часто выговором при знамени, при общем сборе. И такой приговор воспринимается как большой позор. Страх наказания уступает место сознанию недопустимости поступка, но вырабатывается это сознание постепенно. Сами ребята говорят, что, наряду с судом, огромное значение имеет при этом и вся обстановка жизни колонии». (Из книги «Работа с беспризорными. Практика новой работы в СССР». Харьков, 1924 г.).

2. Лики детства 20-30-х годов XX века

Беспризорный — считали всякого ребёнка, находящегося в таких условиях, гарантируют ему определённого минимума для его развития в физическом и нравственном отношении. В 20-е годы детская беспризорность стала одним из грозных, бедственных явлений Советской России. По педагогическим меркам тех лет беспризорные дети и подростки, а также несовершеннолетние правонарушители подводились ПОД категорию дефективных, или, как их тогда называли, «отягощённых дурной наследственностью неспособных к восприятию моральных норм,

выработанных обществом». Гражданская война, голод, разруха и бандитизм, захлестнувшие страну, породили целую армию беспризорных детей, лишённых родителей, домашнего очага, жизненных ориентиров, выброшенных суровыми условиями жизни на улицу. Противное детскому естеству насилие постепенно становилось нормой их жизни.

Под влиянием теории моральной дефективности были открыты специальные воспитательные учреждения для детей и подростков, признававшихся нравственно

отсталыми в своём развитии, согласно заданной степени дефективности. Например: степень «недоразвития»: нравственная отсталость, частичные нравственные дефекты и Признание моральной дефективности полное отсутствие нравственного чувства». беспризорного и несовершеннолетнего правонарушителя оправдывало принудительную систему воспитания, которая строилась на подавлении активности личности, самостоятельности ребёнка. К нарушителям режима применялись принудительные меры педагогического воздействия: светлый или тёмный «педагогический изолятор», ничем не отличавшийся от карцера исправительного учреждения. Разрешалось применять следующие наказания: выговор, лишение права принимать участие детям и подросткам в общих играх, развлечениях, прогулках, свободного передвижения по учреждению; изолирование в отдельной классной комнате или лазарете под надзором. Отслеживая ситуацию с распространением подобной теории А.С. Макаренко предупреждал, что нужно говорить о дефективных методах, а не о дефективных людях. В ряде своих работ и выступлений педагог подверг критике социологизаторские и биологизаторские идеи педологов, представления о в вопросах наследственности и о пассивном следованию за так называемой «природой ребёнка». Он осуждал также педоцентризм, недооценку воспитательной роли учителя и детского коллектива, собственной активности формирующейся личности (Г.Н. Филонов, 1984 г.).

С резкой критикой утвердившейся теории моральной дефективности выступила Н.К. Крупская на страницах педагогической печати, отметив, что «беспризорные — нормальные дети, попавшие лишь в тяжёлые жизненные условия. ЕСТЬ ЗАТРАВЛЕННЫЕ, ОЗЛОБЛЕННЫЕ, ЗАМУЧЕННЫЕ, БОЛЬНЫЕ ДЕТИ, НО НЕТ «МОРАЛЬНО-ДЕФЕКТИВНЫХ». Позорный термин «морально-дефективный», развязывающий руки бессовестной и бессознательной части педагогов, должен быть изгнан из употребления». (Н.К. Крупская «К вопросу о морально-дефективных детях», 1923г.).

А.С. Макаренко: «Видели ли вы когданибудь ребёнка — преступника? Повидимому, видели, да и не одного. Жизнь больших городов, жестокая борьба за существование, убожество рабочих окраин и наряду с этой бедностью шуршащая жизнь городских улиц со своими искушениями — всё это изуродовало не одну детскую душу. Но пробовали ли вы всмотреться в души этих

молодых преступников, подойти к ним поближе, просто, по-человечески; думали ли вы о том, как можно в современной, ещё довольно трудной жизни, без больших средств и помощи со стороны, привлечь их к труду, к полезной работе, не навязывая её им, а доказывая, что она вытекает из самой неизбежности живой, творческой жизни в обществе?».

«Я в течение восьми лет должен был видеть не только безобразное горе выброшенных в канаву детей, но и безобразные духовные изломы у этих детей. Ограничиться сочувствием и жалостью к ним я не имел права. Я понял давно, что для их спасения я обязан быть с ними непреклонно требовательным, суровым и твёрдым. Я должен быть по отношению к их горю, таким же философом, как они сами по отношению к себе».

«Достаточно сказать, что в таких неимоверно трудных условиях коллектив колонии сумел из полуразрушенного, запущенного и постоянно разворовываемого имения бывшего помещика Трепка (11 вёрст от Полтавы) создать очаг труда и знаний, заложить в нём фундамент для дальнейшего развития молодых воспитанников колонии в условиях, помогающих превратить их в сознательных тружеников Советской республики».

Из воспоминаний С.А. Калабалина: «В феврале 1921 года в колонии нас было 32 человека. Это был самый тяжёлый февраль за всю мою жизнь — холодный и голодный. Мимо колонии по большаку Харьков-Полтава шли люди из центральных губерний России, спасаясь от голода и тифа. Воспитатели выходили на шлях и делились с детьми своим скудным пайком, а матерям отдавали что-либо из одежды. Мы видели это и по их примеру тоже часто выносили на шлях свою фунтовую «пайку» хлеба и пшённую кашу. Тиф накрыл и нас. За неделю свалились почти все ребята и воспитатели. Не сражёнными остались только Антон Семёнович, воспитательница Елизавета Фёдоровна, завхоз Калина Иванович и я.

Антон Семёнович и Калина Иванович пилили дрова, а я их колол и топил печки. В спальню к больным, кроме Антона Семёновича, Елизаветы Фёдоровны и меня никто не имел права заходить.

Антон Семёнович ходил по хуторам, добывая молоко и сушёные фрукты для больных. Как это ему удавалось, трудно сказать. Сельские жители ничего не хотели продавать «босякам», а если и удавалось уговорить, так не за деньги, а в обмен на вещи. Антон Семёнович отдал своё пальто и потом несколько лет ходил в шинели. Елизавета Фёдоровна, как могла, лечила ребят, а мы с Антоном Семёновичем оставались на всю ночь с ними. Кормили их, читали им книжки, рассказывали сказки. Бывало, Антон Семёнович своей шинелью прикрывал наиболее слабенького и сам ложился рядом, чтобы теплом своего тела отогреть его. Так иногда поступал и я. Потом нам удалось определить наших больных в полтавские тифозные бараки. Все ребята выздоровели и вернулись в колонию...».

3. Полтава, люди, деятельность Лиги спасения детей под руководством В. Г. Короленко

С целью помочь беспризорным детям в Полтаве группой интеллигентов была организована Лига спасения детей под руководством писателя Короленко, который стал её почётным председателем. В трудных условиях постоянной смены власти на Украине в те годы, члены лиги создавали детские приёмники, колонии, детские сады, санатории, кормили и лечили детей, собирали средства для оказания помощи беспризорным. Они активно выступали в печати по злободневным проблемам

детства, педагогики и школы в России. Об этом я подробно информировал читателя в своих статьях и книгах и, чтобы не повторятся, я позволю лишь возможные дополнения, по сути, заданной проблемы. Всё в том, что и социальные, и нравственные, и правовые проблемы, которые поднимал В.Г. Короленко в годы смены формации в результате Октябрьского переворота, не остались в прошлом, а продолжали быть и иметь значение в жизни его времени. Короленко боролся за человечность в людях, потому и выступал против всякого зла, в том числе — красного террора, против бессудных расстрелов ЧК, против раскулачивания, против продразвёрстки, злоупотреблений по отношению к детям, за помощь голодающим... В нём воплотилась сполна рефлексия совести за тех, кто живёт страдая, с чувством человеческой боли.

Андрей Платонов: «В.Г. Королеко рассказывает о ребёнке, пятилетней девочке, которая всем говорила правду в глаза. Человеку, который не очень нравился этой девочке, она говорила: «Ты смешной». Более привлекательному она сообщала: «Ты не смешной, хороший» В.Г. Короленко она сообщала: «Здравствуй, Короленко. Я тебя люблю» - и целовала его в лицо. Придя в гости к писателю, ребёнок старался помочь ему справиться с работой. Узнав, что резинка необходима для того, чтобы стирать сделанные ошибки, девочка интересовалась: «А у тебя есть сделанная ошибка?» - и, получив ответ, что ошибка есть, предлагала: «Дай я её сотру». Стирая «ошибку», девочка отлично понимает, что она делает пользу, работает, а если даже её работа и не очень нужна, то ребёнок видит оправдание своего присутствия в другом: «Я не мешаю. Потому что когда любишь, так не можешь помешать»...

Этот превосходный рассказ характеризует самого В.Г. Короленко. Писатель всю жизнь говорил правду в глаза и делал правду на глазах. Писатель всю жизнь «стирал ошибки» своего общества и своего времени — не мнимые ошибки ребёнка, не каракули,

а ошибки, от которых содрогались, мучились и погибали люди его времени. Это «стирание ошибок», ликвидация заблуждений, уменьшение страданий в России заняли большую часть сил и способностей В.Г. Короленко; их меньшая часть была обращена на литературно-художественную работу».

Из дневников В. Г. Короленко:

«Сегодня арестовали девочку 14-ти лет, Рахиль Адливанкину, за то, что ходила около ЧК, ожидая, что повезут арестованного отца и она его увидит. У девочки порок сердца. Если бы можно освободить её. Она арестована на три дня» (13 сентября 1920 года).

«В ночь с 31-го на 1 января произошла следующая «коммунистическая шутка». В театре происходила встреча Нового года. Около полуночи вдруг в театр ворвались человек 20 красноармейцев и стали кого-то разыскивать в толпе. Поймали какого-то оборванца и с криками повлекли его на эстраду. Приставили к стенке, затем произошло приготовление к расстрелу. В публике, среди которой были женщины началась паника и истерические крики. В конце концов это оказалось шуткой, не совсем уместной, но по рассказам была разыграна слишком натурально» (2 января 1921 года).

«Любопытно, что слова «смертная казнь» в большевистском лексиконе не существует. Оно заменяется термином «высшая мера наказания». Революция, как известно, смертную казнь отменила. И никогда не было столько смертных казней, как теперь». (3 июля 1921 года).

Протест Короленко против бессудных казней, среди которых были и несовершеннолетние, направленный председателю Полтавского губисполкома Порайко. «Насколько мой слабый голос будет в силах, я до последнего дыхания не перестану протестовать против бессудных расстрелов и против детоубийства» (1920 год).

А.С. Макаренко: «Может рассказать вам с начало — от времени, когда в воздухе ещё носились громы и молнии гражданской войны, когда голод костлявой рукой душил за горло молодую республику — с конца 1920 и начала 1921 года, когда колония и была основана? Но стоит ли говорить о том ужасном времени, которое пришлось пережить педагогам-энтузиастам и воспитанникам, только что вырванным из объятий воровского мира для новой трудовой жизни?».

По своим политическим убеждениям Макаренко симпатизировал эсерам и даже в молодые годы являлся кандидатом в члены партии социалистов-революционеров.

В Полтаве идеи социалистов были популярны, а цели общественных организаций были сформулированные просто и ясно:

- спасение детей от голода;
- содействие их физическому, умственному и нравственному воспитанию;
- забота о брошенных и бесприютных детей;
- разработка вопросов правового и социального положения детей.

В своём заявлении Короленко высказался за то, чтобы развивать дело защиты детей «на основании терпимости, братства, отсутствия национальной исключительности... Нужно стремиться к тому, чтобы путём дружной работы установить известную близость и общность колоний... И нужно, чтобы население видело эту общность и само проникалось духом солидарности и братства... Для розни и споров — поле и без того слишком широкое». По свидетельским данным Короленко посетил детей в колонии его имени в Трибах, под Полтавой в1921 году. А рядом по соседству расположилась вновь созданная колония им. А.М. Горького.

«Здесь нет специфического подхода к детям, как к бывшим преступникам, здесь не пытаются влиять на них, постоянно указывая на их недостатки, плохие склонности; здесь просто стремятся, чтобы трудовой дисциплиной, с одной стороны, и самоорганизацией — с другой, создать из них этически и социально здоровых людей» — писал Макаренко в Полтавской прессе тех лет.

4. Стремление познать сложную формулу душевной жизни каждого человека

С.Т. Шацкий «Годы исканий»: «... в маленьком человеке идёт сложная жизнь, развёртываются способности, желание быть активным, вносить свою долю в общую товарищескую среду, возникают острые вопросы, развёртываются драмы, провалы, надежды сменяются разочарованием... Жадно ищется настоящий человек — кто бы он ни был: интересный товарищ, учитель или взрослый знако-

мый. И есть огромная готовность поверить «настоящему человеку».

Аналогичные наблюдения отмечает и педагог Макаренко, стремясь познать сложную формулу душевной жизни каждого растущего человека, с которым ему приходилось общаться, к другим внимательно и чутко присматриваться. «Жизнь нашей колонии представляла очень сложное переплетение двух стихий: с одной стороны, по мере того как развивалась колония и вырастал коллектив колонистов, родились и росли новые общественно-производственные мотивации, постепенно сквозь старую и привычную для нас физиономию урки и анархиста-беспризорного начинало проглядывать новое лицо будущего хозяина жизни, с другой стороны, мы всегда принимали новых людей, иногда чрезвычайно гнилых, иногда даже безнадёжно гнилых. Они важны были для нас не только как новый материал, но и как представители новых веяний, иногда мимолётных, слабых, иногда, напротив, очень мощных и заразительных. Благодаря этому нам часто приходилось переживать явления регресса и рецидива среди «обработанных», казалось,

колонистов». Месяцы отчаяния и бессилия свидетельствовали о крайне сложной ситуации, с которой столкнулся педагог. Многие его воспитанники были не только трудными, но и опасными. Согласно исследованиям Г.Е. Жураковского Макаренко держал себя в постоянной готовности к строгим действиям, сопряжённым с гневом и ненавистью к источникам зла. Поведенческий беспредел: воровство, драки, побеги, издевательства старших над младшими, враньё, хамство... Педагог прекрасно понимает: человек должен быть ответствен за своё поведение и обязан предвидеть последствия. Для их спасения педагогу требовалось быть с ними непреклонно требовательным, суровым и твёрдым. Педагогическое дело сводилось к воспитанию морального облика человека. О воспитании человека судят по его поступкам. Действия людей определяются привычками. Значение привычки очень велико: она освобождает человека от необходимости каждый раз размышлять, как надо поступить, освобождают от лишней затраты нервной энергии.. В эти сложные времена Макаренко усиленно ищет новые пути организации новой жизни в колонии. Не прозябать, а жить. Они всё же люди и помочь им — дело святое. Нужна новая, совсем новая педагогика. По мысли исследователя А.П. Сидельковского А.С. Макаренко разработал и реализовал педагогику «многостепенных и многозначных общественных связей, отношений, зависимостей, в которых формируется личность человека».

Академик Г.Н. Филонов: «Заслугой Макаренко явилось то, что он создал реальную систему воспитания, основанную на педагогически эффективной организации всей жизни детей. При этом он не пассивно следовал «природе ребёнка», но стремился к максимальному развитию каждой личности, формированию сильного и творческого человека, готового к самостоятельной жизни».

5. «Антон — мужик ничего, он совсем свойский, хватит над ним куражиться»

Многие из вновь прибывших воспитанников считали, что колония посягнула на их вольницу, на их свободу. Отсюда — недоверие взрослым, непослушание, сопротивление любым педагогическим требованиям. Психология беспризорного: лишь бы четыре стены да крышу: зиму пересидеть. А там — опять за своё. Свободные во всём, они привыкают прежде всего именно к свободе и создают свой собственный мир.

Е.Д. Кускова: «Класс «лишенцев» прежде всего ненавидит и презирает тех, кто пытается лишить их того единственного достояния, которое ими завоёвано: свободы. В этом ведь и состоит огромная опасность всякого «лишенства»: отвергнутые государством лишенцы отвергают и самое государство... Они не признают «чужой» дисциплины, не признают правил, не ими установленных. Они живут не в недрах государства, а где-то в пространстве, — в порах его. Вот почему так трудна постановка воспитания даже тех беспризорных, которым удаётся попасть в детские учреждения. Только педагоги, с огромной любовью подходящие к этому делу, педагоги, способные разглядеть в беспризорном человека, а не счётную единицу для казённого отчёта, могут вернуть таких отщепенцев в лоно общественной жизни и подчинить их её правилам и её законам. Есть превосходно поставленные детские дома, руководимые такими опытными советскими педагогами, как М.Х. Свенцицкая, или приют для дефективных детей В.П. Кащенко и мн. др.»

В оценках зарубежных коллег педагог Макаренко — «гениальный самоучка». Пожалуй, в этом они правы. Антон Семёнович был уверен, что личный пример педагога оказывает сильное влияние на воспитанников, поэтому старался в большом и малом служить для них образцом правильного поведения. «Моя же специальность правильное поведение, я-то должен был во всяком случае правильно себя вести в первую очередь...». И ещё: «Это самая трудная вещь — требование к себе». Чего стоило заставить ребят поверить в то, что им — верят? «Вера в веру» — вот чего добивался Макаренко. И вот без чего не могло быть и знаменитого макаренковского метода, ни колонии имени Горького, ни превращения малолетних преступников в студентов, в рабочих, просто в хороших людей. По педагогическим установкам Макаренко трудности возникают отсутствием у воспитанников волевых усилий. Человек с характером не может Вопросы воспитания воли сделались самыми важными и быть слабовольным. волнующими вопросами нашего бытия, — отметит в своих рабочих записях Антон Семёнович. Прежде всего каждый из них должен быть человеком. Характер может быть очень сложным и противоречивым, причём сложность и противоречия проявляются в конкретных поступках, в индивидуальном воплощении психического направленности и воли. Воспитатель, не имеющий авторитета, не может быть Характеризуя педагога-воспитателя Павла Ивановича Журбина воспитателем. Макаренко выделяет ценнейшие качества этого человека: «У него была чисто гурманская любовь к человеческой природе, он умел со страстью коллекционера говорить об отдельных чертах человеческих характеров, о неуловимых завитках личности, о красотах человеческого героизма и о тёмных тайнах человеческой подлости. Обо всём этом он много думал и терпеливо высматривал в людской толпе признаки каких-то новых коллективных законов. Я видел, что он должен непременно заблуждаться в своём дилетанском увлечении, но мне нравилась искренняя и чистая натура этого человека». (Из «Педагогической поэме»). В этом оценочном портрете присутствует сам А.С. Макаренко.

Для воспитания характера имеет большое значение умение быстро переключаться, когда это надо, с одного вида деятельности на другой. Это отработанный педагогический

механизм и есть проявления волевых черт характера для преодоления всяких препятствий в процессе воспитания. «За 7 лет моей работы в колонии, — говорил А.С. Макаренко, - не было двух случаев схожих».

А.М. Горький: «Это бесспорно талантливый педагог. Колонисты его действительно любят и говорят о нём с такой гордостью, как будто бы сами его создали. У него суровая внешность, он неразговорчив, ему за сорок, с большим носом, умными и острыми глазами, сорванным или простуженным голосом, движется медленно, но всё успевает, всё видит, знает каждого колониста, характеризует его пятью словами, так будто бы делает его моментальную фотографию его характера. У него вероятно развита потребность мимоходом, незаметно приласкать ребёнка, сказать каждому из них ласковое слово, улыбнуться, погладить по остриженной голове» («По Союзу Советов»).

Ю.П. Азаров: «Педагог не может не играть, — утверждает А.С. Макаренко, — Не может быть педагога, который не умел бы играть. Нельзя же допускать, чтобы наши нервы были педагогическим инструментом, нельзя допустить, что мы можем воспитывать наших детей при помощи наших сердечных мучений, мучений нашей души. Ведь мы же люди. И если во всякой другой специальности можно обойтись без душевных страданий, то надо и у нас это сделать».

В нашу задачу не входит оспаривать категоричность утверждений А.С. Макаренко. Параллельно можно было бы выдвинуть и прямо противоположный тезис: подлинного воспитания не может быть без сердечных мучений, без страданий. Любое искусство доставляет творящему и боль, и страдание, и только через них он осознаёт радость творчества, величие бытия, только через муки он приходит к тому удивительному катарсису, которое производит нравственный переворот как внутри самого себя, так и в окружающих».

Разброс многочисленных субъективных оценок, взглядов, характеристик Макаренко, где явно присутствуют и чрезмерная похвала, и восторженность различных жизненных достижений, удачных трудовых результатов, всё то, к чему люди обращались, тянулись как к животворному источнику человеческих добрых дел, представленных в яркой и выразительной форме деятельной личности Макаренко как профессионала. Общей чертой здесь является панегирик. И, что? Оценочные суждения во многом субъективны. Только не надо создавать ореол сверх личности, не стоит умиляться ею, приписывать того, что не свойственно было для самого Макаренко. Возвышение своей личности он не признавал. Вот некоторые высказывания, исключительно важные для понимания его человеческой сущности: «... нисколько не претендую на звание великого изобретателя». И ещё: «Я не педагогический мыслитель, не специалист-исследователь детской жизни и жизни детского учреждения. Я фронтовой работник...». Сам же Антон Семёнович очень скромно оценивал свои свершения. Он называл себя рядовым практическим работником и об этом писал: «Я меньше всего хочу сказать, что вот мне одному известны секреты работы, больше их никто не знает и поэтому никто не имеет права рассуждать о моём опыте. Я только один из многих людей, находящих новые, советские пути воспитания, и я, как и все остальные, собственно говоря, стою ещё в начале дороги...». Есть у него чёткие рекомендации к поведению педагога: «держать себя всегда с достоинством,

искренне, весело, бодро, серьёзно». Особо выделял значимость воспитателя-педагога: УМЕТЬ БЫТЬ ВЕСЁЛЫМ И СЕРДИТЫМ, ДОЛЖЕН ВЕСТИ СЕБЯ ТАК, ЧТОБЫ КАЖДОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОСПИТЫВАЛО.

Мой мир, — люди, моей волей созданная для них разумная жизнь в колонии..., мир организованного созидания человека. Выстраивая воспитательный процесс, мы имеем дело с высокоорганизованной системой — человеком. В силу своей высокой организации человек протестует против всего бессистемного. Поэтому рассчитывать на педагогический эффект можно в том случае, если в полной мере будет реализован принцип системности и последовательности в воспитании. Необходимы не отдельные средства, а система средств, разработанная сообразно целям воспитательной работы.

Для Макаренко педагогическим критерием оценки качества личности служили многообразные отношения, в которые были включены дети и взрослые. Психическая направленность личности и есть внутреннее отношение. Раскрывая в образной форме психические установки своих воспитанников, Антон Семёнович рисует их поведение, характеризует тон и мимику, показывает смущение, радость, негодование. психологии детей, педагог умел узнавать их чувства по признакам, ему одному известным: по глубине взгляда, по окраске смущения, по далёкому вниманию из-за угла, по чуть-чуть охрипшему голосу, по прыжкам и бегу после встречи (А.П. Сидельковский). Работая над программой воспитания человеческой личности, человеческого характера, Макаренко в каждом воспитаннике видел «определённый тип гражданина», «его боевой, активный, жизненный характер», то своеобразие, которое охватывает и внешние, и внутренние проявления — «решительно всю картину человеческой личности». В 1928 г. колонисты преподнесли А.М. Горькому в подарок рукописную книгу «Наши жизни». В ней была ещё и небольшая статья одного из воспитателей, который так писал о Макаренко: «Я удивлялся его настойчивости и вере в это дело. Все без исключения 400 бывших беспризорных переползли через его нервы». И как свидетельствует сам Макаренко «для этого нужно было быть неисправимым оптимистом», «... какую я хорошую книгу мог бы написать о человеке, как я его вижу в нашей замечательной потенции».

А.С. Макаренко говорил о человеке как о «гражданине мира», разумея под этим «человека мирового знания, человека мировых интересов, перешагнувшего в таком восприятии окружающего узкие границы чисто национальных интересов». И верил, что «когда-нибудь настоящая педагогика разработает этот вопрос, разберёт механику человеческого усилия, укажет, какое место принадлежит в нём воле, самолюбию, стыду, внушаемости, подражанию, страху, соревнованию, убеждённости, разума».

Лев Гордин, доктор педагогических наук, макаренковед: «Невольно вспоминаются слова Антона Семёновича из написанной в 1937 году и опубликованной тогда же в газете «Известия» статьи «Цель воспитания» о тех, кого страшит бесконечное разнообразие человеческих индивидуальностей, кто движим стремлением «...остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов». Написать такое тогда для центральной газеты с огромным тиражом мог только бесстрашный человек, великий гуманист» (1989 г.).

Литература:

- 1. Азаров Ю. П. Игра и труд. М.: «Знание», 1973.
- 2. Есть всюду свет... Хрестоматия для старшеклассников. / Сост. С.С. Виленский. -М.: 2000.
- 3. Жураковский Г.Е. Педагогические идеи А.С. Макареко. АПН РСФСР, М.:1963.
- 4. Королёва В.Н. К истории исследования вопроса о воспитании социально запущенных детей и подростков (20-е годы). Сб. Вопросы нравственного воспитания молодёжи. Кемерово :1974.
- 5. Левитов Н.Д. Вопросы психологии характера. АПН РСФСР, М.:1952.
- 6. Макареко А.С. Педагогическая поэма. М.:2003.
- 7. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8 т. М.:1983-1986.
- 8. Морозова Н.А. Макаренко. Семинарий. Ленинград, 1961.
- 9. Морозов В.В. Антология реабилитационно-педагогического опыта. Уч. пособие. М.: Академический проект; 2005.
- 10. Морозов В.В. Педагогика воспитания: особенность воззрений. // Профилактика зависимостей. 2016. № 4 (8). С.12–17.
- 11. Морозов В.В. Воспитательная педагогика Антона Макаренко. Опыт преемственности // Документальное педагогическое исследование -М., Егорьевск. 2012г.
- 12. Морозов В.В. Реабилитирующее образование. // Профилактика зависимостей. 2015. № 4 С. 70-76.
- 13. Нежинский Н.П. А.С. Макаренко и педагогика школы. Киев. 1976.
- 14. Натанзон Э.Ш. Психолого-педагогические задания при анализе идей А.С. Макаренко. Кишинёв. 1970.
- 15. Негретов П.И. В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917-1921. М.:1990.
- 16. Сидельковский А.П. Проблемы отношений в советской педагогике и педагогическое наследие А.С. Макаренко. Кафедра педагогики и психологии Карачаево-черкесского пединститута. Ставрополь. 1971.